

Когда наступил новый день, Луи приветствовал четырнадцатый восход солнца.

После завтрака, Луи последовал за Людовиком XVI в сторону Национального собрания, которое находилось примерно в полчаса езды от главного здания Версаля.

Когда Людовик XVI и Луи ступили в зал заседаний, они вошли в просторный зал, где с деревянного помоста, примерно в двух метрах над землей, с длинным столом, покрытым красной скатертью, говорил тучный мужчина.

Члены Национального собрания сидели вокруг трибуны и насчитывали около восьмисот человек.

Когда Луи и Людовик XVI вошли в зал, Великий церемониймейстер временно прервал заседание, и все отдали дань уважения королю.

А когда Людовик XVI и его сын сели на свои места, церемониймейстер возобновил прерванное заседание.

На самом деле, Национальное собрание, казалось, было удивлено прибытием короля и дофина, и не только советники разговаривали и шептались, но и толстяк на сцене, который ранее произносил речь, был в замешательстве.

Он кашлянул, коснулся своих губ левой рукой, сжатой в кулак, и быстро опустил руку: «Ваше Королевское Величество, уважаемые члены Национального собрания, я, Оноре Габриель Мирабо, семь дней назад сказал, что мы находимся здесь по повелению народа и что мы никогда не покинем своих мест, пока к нам не придут с мечом. Сегодня, перед Его Величеством Королем, я по-прежнему настаиваю на том, что пора положить конец привилегиям церкви и дворянства; что французский народ должен иметь право свободно высказывать свои идеи и мнения; что французский народ имеет право лично или через своих представителей определять необходимость налогообложения; что весь народ Франции имеет право участвовать в принятии законов; никто не имеет дерзости обвинять, арестовывать или задерживать кого-либо из простых людей иначе как в особых случаях и с соблюдением формальностей, предусмотренных законом, а их собственность является священным и неприкосновенным, и никто не может быть лишен её».

Толстяк замолчал, когда закончил и стал наблюдать за отцом Луи, ожидая реакции.

По мере произнесения речи толстяка на сцене, шепот советников на сцене постепенно затихал. А лицо Людовика XVI медленно краснело в явной злости.

Луи должен был сделать что-то, чтобы отвлечь внимание, иначе разгон Национального собрания войсками Людовика XVI будет преждевременным, а головы его семьи окажутся близко к гильотине.

Хлоп-хлоп-хлоп!

Внезапно в тихом зале раздались аплодисменты.

Тут же глаза членов парламента обратились к Луи. Толстяк на сцене тоже смотрел на Луи с изумлением.

Людовик XVI повернул голову и странно посмотрел на своего сына.

С Луи, остальные также начали медленно аплодировать, и зал в течении нескольких мгновений разразился овациями.

«Что ты делаешь, Луи?». — Людовик XVI спросил раздраженным шепотом.

Луи же молчал.

Когда аплодисменты прекратились, толстяк на сцене сказал со странной улыбкой: «Похоже, что Его Королевское Высочество Принц впечатлен моей речью, так почему бы вам не сказать нам, что вы думаете».

Слыша это, Луи подумал про себя: «Я просто не хочу, чтобы Людовик впал в ярость и отправил наши головы на гильотину быстрее, чем это было в истории».

Луи медленно встал, его мысли металась, ища способ достойно ответить.

Он знал, что все члены парламента, сидящие тут, были жестокими людьми, способными подстрекать неграмотных французов отрубить королю голову.

«Кхм». — перед началом Луи осторожно кашлянул: «Ваши Превосходительства советники, я не согласен с тем, что только что сказал сенатор Мирабо. Однако, как сказал однажды наш великий мыслитель Вольтер: Я не согласен ни с одним словом, которое вы говорите, но готов умереть за ваше право это говорить. Итак, как будущий французский король, я в равной степени готов защищать ваше право говорить».

После того, как Луи закончил и сел, с востока и запада от подиума раздались аплодисменты, и постепенно весь зал снова наполнился овациями.

«Я не согласен ни с одним словом, которое вы говорите, но готов умереть за ваше право это говорить!». — Толстяк на сцене повторил слова Луи, и посмотрел на принца с одобрением: «Я предлагаю всем нам, парламентариям, встать и оказать дань уважение месье Вольтеру за столь прекрасные слова!».

И весь зал встал под аплодисменты, а Луи и Людовик XVI также были вынуждены встать, чтобы показать уважение Вольтеру.

Лицо Людовика XVI, которое прежде было красным, теперь стало мрачным, суровым.

Как только Луи и Людовик XVI впервые вошли в зал, советники смотрели на Людовика XVI с отвращением, удивлением и подозрением, но не с дружелюбием.

Когда Луи закончил, советники, игнорировавшие его, стали с любопытством смотреть на него, явно одобряя слова наследника престола.

На восточной стороне трибуны, молодой джентльмен в аристократическом наряде улыбнулся и прошептал: «Наследник французского престола, который верит в идеи Вольтера? Интересный малый».

А по диагонали напротив него точно такой же джентльмен в формальной одежде смотрел на Луи суровым взглядом, думая, что в столь юном возрасте он учится лицемерию тирана.

Молча выслушав речи советников, Людовик XVI забрал Людовика с собой после окончания.

Он проводил Луи до конца дневных заседаний Национального собрания, а после обеда позвал его в свой кабинет, и когда Луи вошел, мать Луи, очевидно, была осведомлена о его поведении сегодня утром и сердито спросила: «Мой дорогой Луи, зачем ты это сделал?».

Луи ответил, прикидываясь дурачком: «Что сделал?».

«Почему ты аплодировал после речи того толстяка Мирабо? И когда Вольтер сказал что-то подобное, где, черт возьми, ты это прочитал?» — Людовик XVI вмешался с мрачным лицом.

«Не надо так сердиться, Луи еще ребенок, ты его напугаешь». — Королева, видя гнев своего короля, попыталась успокоить его: «Луи, просто извинись перед отцом».

«Я лишь поддержал его речь, почему я должен извиняться?».

«Именно! Ты поддержал его речь перед остальными». — сказал Людовик с раздражением: «Их требования возмутительны! Я должен был приказать распустить совет прямо тогда и там!».

Лицо Людовика XVI выглядело немного лучше после этих слов.

«После роспуска совета кто будет решать финансовые проблемы королевства?». — Луи поспешно спросил.

«Кто сказал тебе, что финансы королевства в беде?». — Королева была удивлена.

Глаза Луи сверкнули: «Разве ты не жаловалась мадам Бертин на днях, что тебе теперь приходится обращать внимание на стоимость пошива одежды?».

«Но эти проклятые свиньи даже не собираются выложить ни одного ливра, только продолжают просить меня о большей власти». — Людовик XVI снова начал сердиться.

«На самом деле, причина, по которой я аплодировал, заключается в том, что последний пункт советника Мирабо мне понравился. Собственность — это священное и неприкосновенное право, никто не может быть его лишен».

Людовик закатил глаза: «А как же деньги, причитающиеся нашей казне, когда собственность других станет священна?».

Луи, не обращая внимания на сарказм в голосе отца, ответил: «Мы могли бы разделить королевскую собственность и французскую казну. В этом случае какое отношение будет иметь банкротство Королевства Франции к нашей собственности?».

Когда он закончил, глаза господина и госпожи Людовика XVI расширились:

«Как это сделать?». — Пара спросила в унисон.

Луи был удивлён их энтузиазму, но заметил: «Прежде чем это сделать, мы должны найти того, кто может взять ответственность на себя и следить за казной».

«Почему?». — Король и Королева выразили свое непонимание.

«Не имея виновного, французский народ будет думать, что это мы, королевская семья Бурбонов, потратили деньги из казны». — Луи ответил с невозмутимым лицом.

Людовики посмотрели друг на друга: «Луи, иди и отдыхай, нам с твоей мамой есть о чем

поговорить».

Луи кивнул, но спросил: «Отец, ты позволишь мне присоединиться к тебе? Я хочу научиться управлять страной».

Хотя за две свои жизни он не имел политического опыта, ради собственной головы Луи был готов быть вовлеченным в это дело.

«Я подумаю». — Людовик XVI посмотрел на Людовика и мягко ответил.

Как только Луи пошел в свою комнату, группа советников разговаривала между собой в клубе «Бретань».

«Что вы думаете об этом принце?». — Один советник спросил остальных.

«Я думаю, что Дофин склонен к республиканским идеям, и если мы сможем повлиять на него, то, когда он достигнет совершеннолетия, возможно, Франция действительно сможет перейти к новой эре истинной свободы и равенства без крови. Так же, как сегодня Англия... Нет, возможно, она может быть лучше, чем сегодняшняя Англия». — Сказал молодой дворянин, который присутствовал на утренней заре и что-то бормотал про себя.

Но молодой джентльмен, который тоже был там, яро возразил: «Монсеньор Лафайет, пожалуйста, перестаньте питать иллюзии относительно конституционной монархии, французский народ больше не будет мириться с тиранами, только держа власть короля в клетке закона, французский народ получит истинную свободу и равенство, о которой можно говорить с гордостью».

«При всем уважении, вы слишком радикальны, месье Робеспьер, я поддерживаю взгляды месье Лафайета». — Другой молодой человек вмешался в их разговор.

Дискуссии, подобные этой, вероятно, происходят каждый день в клубе Якобин, ведь это был настоящий мозг Франции в эпоху Французской революции. В эпоху революции бесчисленные честолюбцы рубили себе головы, чтобы попасть в этот клуб. Только вступив в этот клуб, их амбиции могли по-настоящему расцвести.

Луи лежал на своей кровати, ломая голову над всем, что только можно придумать об истории Французской революции. Он вспомнил, что говорили, что Французская революция началась с засухи весной 1788 года и град зимой вызвали голод, который сейчас широко распространен во Франции, с высокой инфляцией. И что...

Мысли кружились, но вот наконец Луи заснул, погружаясь во тьму.

<http://tl.rulate.ru/book/71880/1973352>